

торая только и возможна при предположеніи, что переписываемое произведеніе было вполне чуждо переписчику и что онъ не успѣлъ привести его въ порядокъ, т. е. опять таки свидѣтельствуешь въ пользу мнѣнія, что «копія съ лицевыхъ лѣтописей сдѣлана спустя много лѣтъ послѣ написанія самихъ лѣтописей». А. И. Соболевскій иначе толкуетъ особенности нашей копіи. «Нельзя сомнѣваться, — говоритъ онъ, — что Александро-Невская лѣтопись (какъ и Лебедевскія) написана въ тоже время, когда и лицевыя лѣтописи, можетъ быть, тогда, когда работа надъ Царственной книгою еще не была закончена; конечно, мы точно не знаемъ, для чего понадобилась копія съ лицевыхъ лѣтописей, для художниковъ-ли, чтобы они могли набросать рисунки (значить, лицевыя лѣтописи тогда заключали въ себѣ только текстъ) или просто, для канцеляріи на случай справокъ». При такомъ объясненіи свойства нашей копіи совсѣмъ невозможно понять; если копія приготовлена тамъ, гдѣ создавался подлинникъ, и въ тоже время, то отчего его не привели въ порядокъ? Въ томъ видѣ, въ какомъ написана Александро-Невская лѣтопись, она совсѣмъ не годится ни для какихъ справокъ. А предположеніе относительно художниковъ вдвойнѣ невѣроятно. По рукописи Царственной книги видно, что эскизы дѣлались карандашемъ на тѣхъ мѣстахъ, которые оставлены для рисунковъ при писаніи текста. Есть ли основаніе предполагать, что предварительно дѣлались черновые наброски? Но если-бы и такъ, то неужели можно дѣлать наброски иллюстрацій къ тексту, отрывочному и спутанному до того, что иной разъ трудно понять, о комъ говорится въ томъ или другомъ отрывкѣ?

А. И. Соболевскій вовсе не касается существеннаго для датировки лицевыхъ лѣтописей вопроса о стилѣ ихъ миниатюръ. Единственное обстоятельство, которое можетъ вызвать нѣкоторое колебаніе въ оцѣнкѣ этихъ миниатюръ — встрѣчающаяся иногда грубая раскраска густой, непрозрачной краской. В. Н. Щепкинъ разъяснилъ причину такого явленія, указавъ, что подобная раскраска представляетъ подправки позднѣйшей (XVII в.) руки.